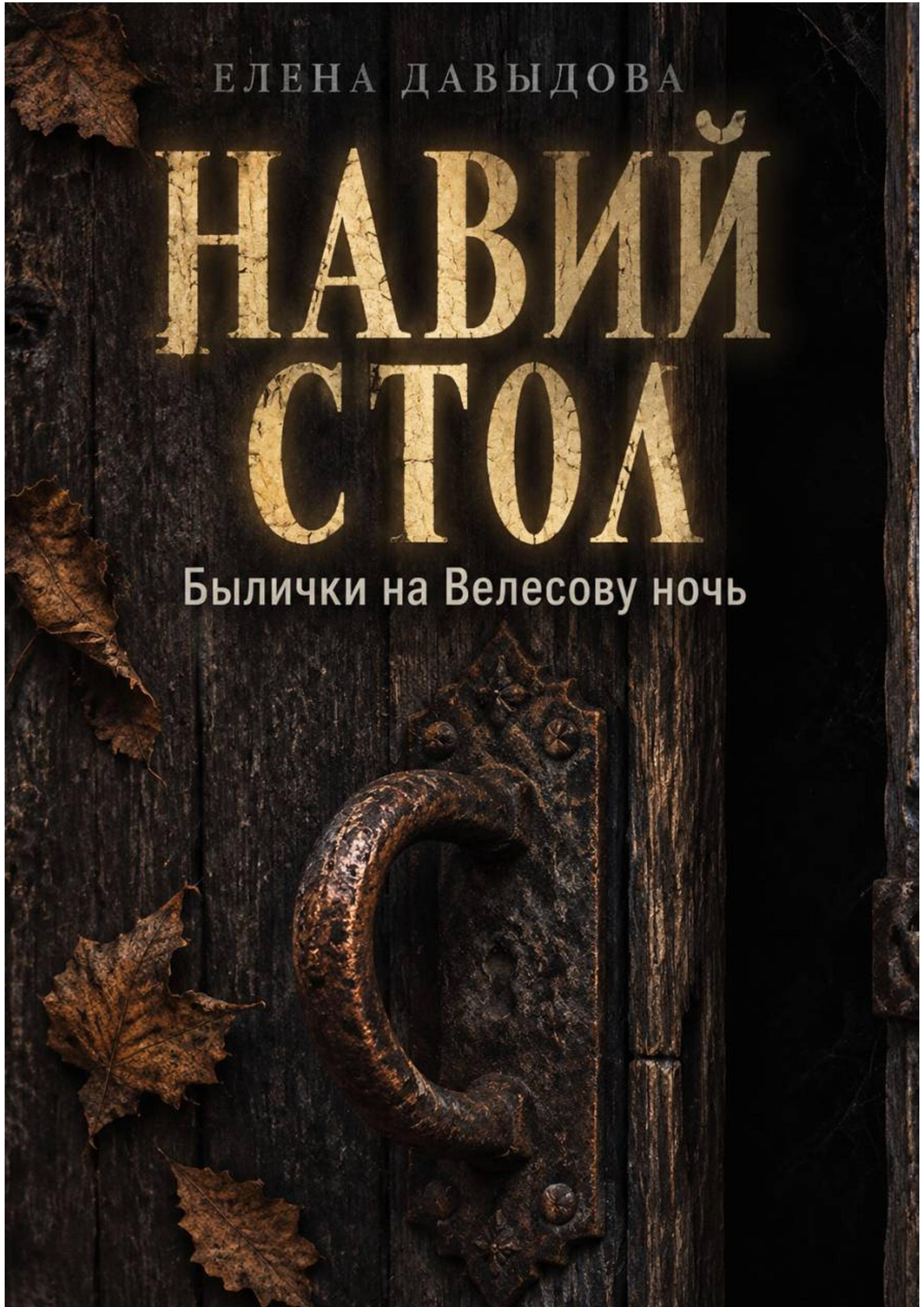
ЕЛЕНА ДАВЫДОВА

НАВИЙ СТОЛ

Былички на Велесову ночь

Елена Давыдова

«Навий стол» былички на Велесову ночь

«Автор»
2026

Давыдова Е.

«Навий стол» былички на Велесову ночь / Е. Давыдова — «Автор», 2026

В ночь, когда лето умирает окончательно, а зима ещё не рождена, граница между мирами истончается до листа бумаги. Это ночь мёртвых — время, когда они приходят к живым. Славянский мир называл её Велесовой ночью. Время, когда духи предков возвращаются, а всякая нечисть обретает силу. В ту ночь в каждом доме оставляли еду, тщательно заделывали оконные щели, старались не смотреться в отражающие поверхности и внимательно вслушивались в каждый звук, доносившийся из-за порога.

© Давыдова Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Велесова ночь 5
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Елена Давыдова
«Навий стол» былички на Велесову ночь

Велесова ночь

Дорога к Залесью выползала из низины, как змея, и потому путник, ступавший по ней, долго не видел ни крыш, ни дымоходных труб, ни креста над часовней. Лишь безмолвный лес обступал его со всех сторон. По обеим сторонам колеи тесно выстроились вековые ели, как могучие стражи. Их ветви переплетались над дорогой, создавая густой полог. Даже в полдень, в самый светлый день октября, под этим сплетением ветвей царили густые сумерки, напоминающие печную сажу и проникающие в самую душу.

Прохор брел уже второй час и с каждым шагом все отчетливее чувствовал, как за ним следит лес. Не отдельные хитрые глаза, а тьма между стволами устремила на него взгляд, как вода, безжалостно затягивающая тонущего.

Он, будучи послушником, покинул монастырь и в дороге пением псалма пытался унять тревогу в душе. Но голос его уходил в хвою и тут же глох. Псалом кончался, и тотчас начиналось другое... Тихий шорох за спиной, вровень с его шагом. Оборачивался — и ничего. Между стволами клубился серый, плотный туман, и в этом тумане, когда смотрел прямо, не было ничего. Но стоило опустить глаза, как на самом краю зрения что-то неуловимо шевелилось. Всегда справа.

Дед Демид, заезжий коробейник, с которым Прохор делил ночлег неделю назад, рассказывал вполголоса, шевеля губами, опасаясь, что стены подслушают его слова:

— Ты в Залесье идешь? Скажу тебе, не спросишь – все одно скажу. Лес там болотный, топкий. Недавно в нем мужик наш утоп. Так его три ночи к избам водили. Не тень, понимаешь, не марево. Водил, как человек ходит, по-настоящему ступает, только трава под ним не гнется. Три ночи обходил деревню по кругу. А на четвертую... – коробейник осекся, судорожно перекрестился. – На четвертую стучал.

— К кому же? – спросил Прохор, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

— Не к кому. Ко всем. По очереди. В каждое окно. Спокойно так стучал, терпеливо, будто знал, что отворят рано или поздно.

Прежде Прохор не верил. Но теперь, пробираясь через гнетущую чащу, он понемногу уверовал во все разом: в упырей, навьих ходоков, черную бороду Велеса, старух с костяными ногами. И в то, что позади него, с незримой учтивостью, ступает кто-то еще.

Солнце, по времени, должно было стоять уже невысоко. Но света не было. Свинцовые тучи закрыли небо, и вместо света сквозь них сочилось холодное серое сияние. В нем предметы теряли тени и казались искаженными, плоскими, будто их изобразил неопытный иконописец.

Он вышел к деревне, когда в поле уже сгущался вечер.

Залесье лежало в широкой, мокрой котловине. Темные, с покосившимися крышами избы стояли редкой грядой вокруг большого, заросшего пруда. Вода в пруду была черная и такая неподвижная, что отражала свинцовое небо, и в нем не было ничего живого.

Прохор брел по улице, но никого не повстречал: ни старухи, ни ребенка, ни собаки. И главное, из труб не вился дым, а в окнах не горел огонь. Деревня оставалась на прежнем месте, но казалась покинутой не вчера и даже не на прошлой неделе. А так давно, что уцелело лишь то, чего не смогло разрушить время: сруб, столб, крест.

И все-таки из крайних ворот к нему, пошатываясь, показалась старуха. Сперва Прохор решил, что это местная жительница, но, вглядевшись, понял: она не шла, а будто плыла. Ноги переставлялись, а туловище раскачивалось по инерции, как палка в проруби.

— Ты чей? – спросила старуха, остановившись. Голос у нее был ровный и странный, как у человека, который читает по бумажке слова, давно забытые наизусть.

— Прохор. Из города. Иду к бабке Агафье, в дальний дом.

Старуха смотрела мимо него, на лес.

— Поздно идешь, – сказала она тем же ровным голосом. – Поздно. Скоро звонить будут.

— В какой колокол? Часовня сгорела.

Старуха медленно, с трудом, повернула голову, как поворачивают голову кукле, взяв за макушку.

— В тот, что сгорел, – сказала она. – Тот и зазвонит.

И, покачиваясь, пошла дальше к пруду. У воды ее не стало, как перестает быть звук.

Прохор долго стоял, ощущая, как холод пробирает до костей. Потом через всю деревню пошел к дому бабки Агафьи, оглядываясь на каждый шорох, на каждое движение тени.

***

Дом Агафьи, последний на краю деревни, притулился к самому болоту. Оно оказалось круглое, черное, усеянное кочками, поросшими густой, темной осокой. В самом сердце этой топкой бездны, если знать, куда направить взгляд, чернела вода. Да такая глубокая, что даже земля не могла ее испить. Говорили, что издревле сюда приходили, чтобы просить у воды и загадывать желания, но сюда же уходили и пропадали без следа.

Прохор постучал в дверь. Ему открыла бабка Агафья. Невысокая и худощавая старушка с лицом, похожим на обугленный пень. Оно было изрезано морщинами, но в глубине зрачков все еще мерцал неугасимый огонек.

— Пришел, — произнесла она без тени удивления. Ее голос был сух, как осенний лист. — Ну, заходи. Один, значит. Хорошо. Никого с собой не приволок?

— С собой? — Прохор недоуменно склонил голову.

— На спине, — пояснила Агафья, ее взгляд скользнул по его плечам. — Иные за ней прячутся, через порог переступают. Глянь. Не сам глянь, через тень глянь.

Прохор не сразу понял ее слова, но послушно обернулся. За его спиной, в дверном проеме, виднелась рябиновая ветка. Агафья уже успела взять ее и повесить. Тень от нее легла на

порог широкой, зловещей полосой. В этой полосе тени, на мгновение, Прохор увидел нечто высокое и тонкое, прислонившееся к срубу. Оно напоминало человека, у которого были лишь голова и руки, а все остальное — сплошная тьма. Голова медленно, мучительно медленно повернулась к нему.

— Закрывай, — спокойно распорядилась Агафья.

Внутри дома царило тепло. Воздух был наполнен ароматом сушеной мяты, свежеиспеченного хлеба и чего-то еще горьковатого и травяного, от чего становилось легче дышать. Агафья усадила гостя, подала ему квасу. Ее неторопливый, изучающий взгляд не отрывался от Прохора.

— Родом ты чей? — спросила она, пытаясь прочесть его прошлое по линиям на лице.

— Из этих краев, бабушка, — ответил Прохор, его голос звучал чуть глуше обычного. — Только ушел давно. Отец с матерью померли, когда я мал был, воспитал меня монастырь.

— Давно ушел, — вновь произнесла Агафья, и ее слова затихли в тишине. — Это хорошо, вовремя уйти. Вернешься издалека, взглянешь на все иначе и заметишь то, чего мы уже не замечаем. — Она ненадолго замолчала, будто обдумывая сказанное. — Через два дня наступит Велесова ночь. Знаешь, что это означает?

— Да, знаю, — отозвался Прохор, кивнув. — В деревне эту ночь особо чтут. Для покойных оставляют угощение у порога, зажигают свечи… По деревне ряженые ходят и читают молитвы.

— Ходят ряженые, — эхом отозвалась Агафья, ее голос приобрел странную, завораживающую интонацию. — Ряженые. А ты, милый, помнишь слово «навь?

— Навь? — Прохор нахмурился, пытаясь отыскать в глубинах памяти это забытое слово из старых сказок. — Навь — это что, страна мертвых?

Агафья не ответила. Вместо этого она встала и задула лучину. В доме мгновенно стало темно, но это была не пугающая, а мягкая, обволакивающая темнота, как в детской, где рядом дремлет мать.

— Слушай, — прошептала она из темноты, ее голос стал еще тише, интимнее. — Все, что я скажу, тебе нужно выучить, как «Отче наш». Без этого здесь не дожить до утра.

И она начала рассказ.

***

На Велесову ночь граница между живым и мертвым становится настолько тонкой, что ее не то что пройти, ее вообще не замечаешь. В эту ночь по земле идут все, кто умер, но не ушел до конца: и родные, и чужие, и злые, и добрые. Навьи приходят не для того, чтобы пугать, а чтобы забрать. Потому что в эту ночь им дается особое право. Право приблизиться, право постучать, право позвать по имени.

— Коли услышишь, что зовут, — не оборачивайся, — ее голос звучал настойчиво, как набат. — Коли станут стучать, не отворяй до утра. Коли возьмут и скажут твое имя, молчи. Молчи, слышишь? Первая напасть этой ночи — твое имя. Мертвым не дано видеть живых, зато они различают их по голосам. Назовешь себя, и они тебя распознают. Ответишь на зов, и считай уже откликнулся миру мертвых. Узнали тебя, услышали ответ... Все, ты им подходишь.

— А если молчать? — Прохор сглотнул, чувствуя, как по спине пробежал морозец.

— Молчи. Молчи, как камень. Огонь не запаливай. Он горит три ночи, и все эти ночи у него есть глаза. В окно не глядеть, из дома не выходить, на перекрестки не наступать, на порог ничего не класть. Хлеб и соль положи на стол. У порога поставь чашу с водой для того, кто придет с добром. Утром вылей воду в болото.

— А если все-таки зовут? — спросил Прохор, его голос дрогнул. — Если очень?!

— Тем более молчи, — ответила Агафья, ее слова были тверды, как гранит. — Самое страшное, когда зовут ласково.

***

Такой тишины Прохор не слыхивал никогда, она сдавливала барабанные перепонки. Засыпая, он отгонял наваждение: туман, мрак, старушечьи страхи. Но пробуждение оказалось резким, вырвавшим его из сна. По полю шли все, кого он знал: мать, отец и тот мальчишка, с которым они вместе возились, а потом он умер, упав с сеновала. Все шли гурьбой, одинаково, и, поворачиваясь к нему, задавали один и тот же вопрос: «Прохор, ты чего не с нами?»

Он очнулся от собственного, почти вырвавшегося слова. Тело уже напряглось, готовое ответить, губы раскрылись, и он с неистовой силой закусил нижнюю губу, чтобы не прошептать «с вами».

И в тот же миг – стук в дверь.

Спокойный, размеренный. Неторопливый, не пугающий. Так стучит сосед, принесший воды. Раз. Пауза. Раз.

Агафья, не поднимаясь с постели, прошептала сухим шелестом:

— Не отвечай. Не шевелись.

Стук прекратился. Повисла гнетущая тишина. Прохор ждал, что уйдут. Не ушли. Вместо этого сквозь неплотно притворенную оконную раму потянуло холодом. Не зимним, а каким-то особым, мокрым, земляным. И тут же, на подоконнике, зашуршало.

Прохор вглядывался в потолок. Сердце колотилось так, что отдавало в ушах. Снаружи, на подоконнике, шуршало что-то легкое, как осенние листья. Он знал: под окном кто-то стоит и смотрит внутрь, в узкую щель между ставнями, туда, где тусклый, безлунный свет полосой ложился на пол.

— Не смотри, — прошептала Агафья, ее голос был едва слышен.

— Я не смотрю.

— А он смотрит.

В конце концов Прохор не выдержал и обернулся. Он посмотрел не на окно, а в просвет между ставнями. Там он различил нечто, чей облик так и не сумел восстановить до самого утра, сколько ни старался. У окна что-то стояло и наблюдало за ним. У него не было ни глаз, ни лица, но Прохор ощущал его взгляд так же отчетливо, как и пронизывающий холод.

Стук повторился. Три раза.

— Миленький, — вдруг раздался голос снаружи. Женский, молодой, ласковый. — Миленький, отвори. Мне холодно. Мне так холодно, миленький.

Прохору было двадцать два года, и он не знал, что в мире существуют звуки, от которых замерзают кости. Теперь знал.

— Не отворяй, — повторила Агафья, ее голос дрогнул. — Она тебя лечит.

— Миленький… — голос продолжал звать, ласково, мягко. В этой мягкости не было ни капли лжи, и от этого становилось страшнее всего. — Мне холодно. Я только на минуточку. Я сегодня умерла, миленький, мне можно…

— Молчи! — зашипела Агафья, ее слова были острыми, как осколки стекла. — Молчи, дурак, скажешь слово – узнает!

Прохор сжал кулаки до побеления костяшек. Голос за окном не сразу замолчал. Еще несколько мгновений он звал, и в этом звуке было столько всепоглощающего одиночества, что Прохор чуть не разрыдался и чуть не отворил дверь. И потом пришла тишина. Сухая, окончательная. Словно кто-то захлопнул дверь в морозную ночь.

Утром Прохор спросил хриплым голосом:

— Кто она была?

— Не была, — ответила Агафья, ее взгляд был устремлен куда-то вдаль. — Она есть. Всегда есть. Всегда будет. Она здесь всех зовет.

— А кто откроет?

— Откроют те, кому очень одиноко, — ответила старуха просто, словно объясняя очевидное. — Это к ним она и приходит. К одиноким. И потому, милый, не вздумай умирать здесь. Не вздумай ни одной ночи остаться в одиночестве. Смерть – не страшно. Страшно – одиночество.

***

Наступила вторая ночь – Велесова. Ранняя, по-осеннему промозглая и безлунная. Агафья затворила окна, окрутила их сушеной крапивой, а на дверях и пороге начертала угольные знаки, древние обереги, хранящие слова, давно забытые людьми.

— Сядем, — прошептала она, ее голос был тих, как шорох листвы. – Сидим до утра. До третьих петухов не спим.

Они устроились в дальнем углу, повернувшись к стене, а спиной к окну. Агафья с ловкостью, присущей лишь старым рукам, достала из сундука три предмета и разложила перед Прохором сухой хлеб, горсть соли и клубок алой нити.

— От хлеба все живое отступает, — пояснила она. Ее глаза мерцали в полумраке. — Соль, как железо, нечисть ее боится. А нить… — Она взяла алую нить сухими и жилистыми пальцами и повязала ее Прохору на запястье. — Нить – это ты. Пока нить на тебе, за тобой не придут. А коли придут, не увидят.

— Куда придут? — голос Прохора дрогнул, словно осенний лист на ветру.

— За тобой, — просто ответила Агафья, ее взгляд был тверд. – Ночью они пройдут по всей деревне. Они всегда проходят. Каждая ночь — новая. Каждый год — новый. Проходят, стучат, зовут, просят. И тех, кто слаб, забирают.

— Куда забирают?

— В свое.

И Прохор стал ждать. Время тянулось, как вплетаемая в старинный узор нить. Стежок за стежком, без спешки, но неумолимо приближая конец. В избе царила тишина, нарушаемая лишь тихим бормотанием молитв Агафьи, которые Прохор вполголоса повторял за ней. Час сменялся часом.

И когда свеча Агафьи почти догорела, оставив лишь трепещущее пламя лучины, Прохор услышал. Издалека, с края деревни, от пруда, из леса донеслось пение. Низкое, многоголосое. Хор стоял где-то там, за прудом, на топком болоте, и пел, пел ровно, без слов, протяжно, как поют в поле жницы или как шумят морские волны.

— Что это? — прерывисто спросил Прохор, его дыхание стало сбиваться.

— Они поют, — так же шепотом ответила Агафья, сжимая пальцами его руку. – Велесову ночь поют. Так они зовут своих. Кого узнают в песне, тот откликается.

— Откликается?

— Отзовется, — ее голос был тих, но в нем звучала сталь. – Тот пойдет.

Прохор слушал. Пение разливалось по деревне, как ночной туман по лугу, ровно, неспешно, обволакивая все вокруг. Он был повсюду, не приближаясь и не удаляясь.

И вдруг, из глубины этого общего хора, Прохор услышал голос. Свой. Голос был знаком до отчаяния, родной. Голос принадлежал брату, Федоту, утонувшему четырьмя годами ранее в топком болоте. Голос был настоящим: живым, теплым, с той особой хрипотцой, которая всегда была у Федота.

— Прохор… — позвал голос брата из темноты. — Прохор, братишка. Прохор.

— Молчи, — губы Агафьи едва шевелились, словно она шептала заклинание.

— Прохор, — позвал брат, его голос звучал все ближе. — Я иду. Я близко. Отвори, Прохор. Я мокрый. Мне холодно.

Прохор сидел бледный, вцепившись онемевшими пальцами в скамью. Он хотел ответить, но не мог, горло сжалось, словно в тисках. Слезы текли по щекам, и он не знал, отчего.

— Прохор… — голос не был ни сердит, ни настойчив. Он был усталый, спокойный, добрый. — Прохор, что ж ты меня не пустишь? Я ведь родной. Я же твой брат.

— Молчи, — шептала Агафья, крепко сжимая его плечо старческой рукой. – Молчи, молчи.

— Прохор… — голос брата помолчал, затем добавил, словно наблюдая, — Я смотрю в окно. Я вижу тебя, Прохор. Ты не спишь. Ты сидишь у стены. Агафья рядом. Она держит тебя за плечо. Я вижу.

Прохор не повернулся. Не взглянул на окно. Просто сидел, и по спине его полз ледяной холод.

— Прохор… — голос у окна все звал и звал. — Брат, отвори. Я не страшный. Я помню, как ты мне лапти плел. Я помню, как мы за зайцем бегали. Я помню, как мать пекла пирог в Вербную. Отвори, Прохор. Я хочу домой.

— Он тебе не брат, — едва шевеля губами, прошептала Агафья. В ее голосе звучала мудрость веков. — Он пришел оттуда. Твоего брата он носит, как шубу.

— Прохор, — голос у окна все звал и звал, умоляя. – Ну открой же. Я так долго шел к тебе. Я так долго тебя ждал. Прохор, я устал. Мне так тяжело. Отвори.

Прохор держался из последних сил. Губы его дрожали, глаза наполнялись слезами, руки, вцепившиеся в скамью, сводило от напряжения. А голос все звал и звал. И голос этот был такой живой, такой родной, и так неправдоподобно настоящий, что в какой-то момент Прохор понял: не удержит. Он не удержит. К утру не удержит.

— Брат… — сорвалось у него само. Одним словом, непроизвольно, как стон.

И все.

Тишина. Совершенная. Глухая тишина за окном. За окном все замерло. Словно само время остановилось.

Потом Агафья очень медленно повернулась к окну.

— Ты сказал слово, — произнесла она тихим голосом, полным печали. — Ты назвал его.

— Я…

— Ты сказал слово. — Она повторила это спокойно, почти без горечи, как говорят: «Выпил ты, что ли». — Слово – это имя. Теперь оно знает, как тебя звать.

Прохор не понимал. И тогда, еще не осознавая до конца, он посмотрел на свою руку. Ту, что держала нить.

Красная нить на запястье была разорвана. Разорвана ровно, гладко, как будто ее перерезали острым лезвием. А оторванного конца, того самого конца, не было. Он исчез. Его съели.

— Они приняли, — произнесла Агафья, не сводя глаз с темноты. — Теперь им разрешено идти за тобой, но лишь до утра. С рассветом они не могут ничего сделать. Тебе нужно продержаться до утра. Выдержишь — уйдешь. Не выдержишь — останешься.

И она погасила лучину.

В доме стало темно.

В кромешной тьме Прохор уловил, как за окном, по размокшей, глинистой земле, медленно тянутся шаги. Не одинокие, а вереницей. Они скользят мимо, вдоль улицы, пронизывают всю деревню, и каждый звук их — неповторим. То глухой шлепок, то скрип промокшей подошвы, то вязкое втаптывание в грязь, то глухой удар по водной глади. Они идут, идут, не смолкая. И не уходят.

Их было много. Прохор не знал, сколько, потому что не смел смотреть. Они ходили по улице до утра. Шли, останавливались, проходили обратно. Агафья была им не нужна, ее они

знали, у них был договор. Прохор был новым, свежим. Его они не знали, и потому шли к его окну, снова и снова, всю ночь.

Стучали. Стучали ласково, терпеливо, с сочувствием. Стучали так, как стучат в дверь к больному: «Ну как ты там? Можно войти?» Иногда стучали в стену, иногда в окно. Страшнее всего было, когда из-под пола, и от этого стука изба ходуном ходила, а доски пола холодели под ногами.

Не отрывая взгляда от потолка и не двигая головой, Прохор ощущал: сразу за стеной кто-то стоит. Не один. Множество людей, целая толпа. Они ждут. Не пытаются ворваться, не ломают стену. Просто остаются на месте, ожидая. И уверены, что дождутся.

Ближе к рассвету голосов прибавилось. Они доносились отовсюду, не только от окна или с улицы. Говорили, шептали, кричали и пели в огородах, на гумнах, у пруда, в лесу и над болотом. Все звуки сливались в один. Мертвые собирались вместе.

В ушах Прохора зашумело. И он, словно от удара, закрыл лицо руками. Время для него остановилось, растворилось в тягучей ночи, вплоть до третьих петухов. Он не помнил, как оно утекало, лишь внезапно, с оглушительной резкостью, голоса стихли. Прохор вздрогнул. Все замерло. Вокруг воцарилась такая тишина, что казалось, будто он очутился внутри пустой, забытой церкви.

— Прошла, — прошептала Агафья из темноты, ее голос был едва слышен. — Прошла. Держись. К утру доживешь.

И вот, когда первые серые лучи солнца начали просачиваться сквозь щели между ставнями, когда очертания печи, лавок и туго свернутых одеял стали различимы в полумраке, Прохор поднял взгляд к окну.

За стеклом стоял брат.

Он стоял, как живой, прислонившись к бревенчатой стене сруба, в той самой, знакомой до боли позе, в какой всегда стоял у родного дома, задумчиво жуя соломинку. И соломинка у него во рту была живая, зеленая, свежая. С него не стекала вода, волосы казались сухими. Глаза были ясные, серые, те самые, родные.

Прохор не закричал. Не отшатнулся. Он смотрел. И брат смотрел на него. Это был не зверь, не упырь, не порождение ночи в мокром саване. Это был брат. Только глаза… Глаза его горели жизнью. Но в их глубине таилась бездонная, немая тишина. Тишина, в которой не было ни зла, ни добра, ни жалости, ни ненависти. Потому что там не было ничего.

— Прохор, — произнес брат, и легкая улыбка тронула его губы. — Здравствуй.

И Прохор, повинуясь неведомой силе, ответил:

— Здравствуй, брат.

В тот же миг он осознал, что натворил.

Глаза брата погасли. На их месте осталось нечто, не нуждающееся ни в именах, ни в памяти, ни в тепле. Нечто, что просто стоит и смотрит.

Брат протянул к нему ладонью вверх бледную, мокрую руку. На раскрытой ладони лежала маленькая, аккуратно свернутая полоска красной нити. Нить Прохора.

— Отдай, — прошептал брат, его голос был полон тоски. — Отдай, братишка. Мне холодно без нее.

И Прохор, потеряв всякое самообладание, потянулся к окну, к засову. Но Агафья, как дикая кошка, вцепилась ему в волосы, в плечо, в рубаху. Она оттащила его от окна. Упала вместе с ним на пол. И держала. Держала, пока он бился, пока кричал чужим, надрывным голосом: «Отдай, отдай, отвори, отвори, мама, отвори, мне холодно, мама».

Солнце поднялось над горизонтом. Дверь дома, не открываясь, перестала дрожать. За окном воцарилась полная тишина.

***

Когда Прохор вышел на улицу, солнце, высоко поднявшись над лесом, заливало мир настоящим, человеческим светом. У калитки, застывшие в вечности, стояли старухи. Скользнув по нему взглядом, перекрестились и отвернулись. Мужчины снимали шапки. Кто-то украдкой смахивал слезу.

— Что с вами? — спросил Прохор, недоумевая.

— Что с нами? — глухо переспросил старик Демид, тот самый, что встретил его накануне. — Сколько слов ты произнес за ночь?

— Одно… Всего одно слово, — ответил Прохор, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

— Одного достаточно, — промолвил старик, вновь отворачиваясь, словно сказанное было окончательным приговором.

Прохор повернул голову к Агафье. Она стояла у порога. Маленькая, прямая, с лицом, на котором застыло удивительное спокойствие, почти веселье.

— Бабушка, — обратился он к ней, и его голос дрогнул. — Скажи мне честно. Я… готов?

— Ты готов, — подтвердила Агафья, ее взгляд был ясным и пронзительным. — Ты теперь как все. Иди. Народ ждет.

— Чего ждет? — спросил Прохор, сердце его сжалось от предчувствия.

— Обеда, — просто ответила она.

И Прохор вошел в избу, где уже собрались его соседи. Он сел, наблюдая. Люди сидели, разговаривали, смеялись, пили, ели. Все было так естественно, так живо, тепло и добро. Прохор смотрел на них, и никак не мог понять, почему вчера, в ночной мгле, он так боялся? Почему дрожал, плакал, готов был распахнуть окно и броситься прочь?

— Ты чего? — спросил сосед, пододвигая к нему глиняную кружку.

— Да так, — ответил Прохор, пытаясь скрыть волнение. — Ночь была неспокойная.

— Ночь как ночь, — пожал плечами сосед, голос его был ровным и спокойным. — Велесова.

И тут Прохор впервые заметил, что свет в избе странный. Свет был, но теней не было. Ни у кого. Он посмотрел на свою руку. Тень не падала. Он поднял взгляд на соседа. У того тоже.

— Солнце, — прошептал Прохор, открывая для себя истину.

— Ну, солнце, — подтвердил сосед, не меняя выражения лица.

— Солнце светит, — повторил Прохор, его голос становился все более напряженным. — А тени нет.

Все, кто сидел вокруг, подняли головы и устремили на него взгляды. И у всех, у всех до единого, были спокойные, ласковые, добрые, мертвые глаза.

— Тени нет, — согласился сосед тем же ровным, пустым, бархатным голосом. — А что такое тень, Прохор? Ты знаешь, что такое тень? Ты жил в ней, Прохор. Мы жили в ней. А теперь, светло.

Прохор посмотрел на свои руки еще раз. Они были. Все было. Пульс бился. Дыхание было. Он был.

— Я не мертв, — произнес Прохор, его голос звучал твердо.

— Нет, — согласился сосед с полным невыразимой печали взглядом. — Ты не мертв. Ты, как мы. Ты теперь живой, но с нами. Мы теперь все вместе в одной избе сидим.

— Сколько лет? — спросил Прохор, дрожащим от подступивших эмоций голосом.

— Не знаю, — ответил сосед, его взгляд скользнул вдаль. — Давно. Очень давно. Приходили, когда еще бабки наши были молодые. Приходили, когда еще деды наши строили эту избу. Приходили, когда еще не было деревни.

— Как же вы живете? — спросил Прохор, его душа металась в смятении.

— А мы не живем, — просто ответил сосед, словно констатируя факт. — Мы ждем.

— Чего ждете? — повторил Прохор, чувствуя, как нарастает тревога.

Сосед долго и пристально смотрел на него. Во взгляде читались безмолвная, мягкая печаль и спокойная нежность, так смотрят на ребенка, еще не осознавшего, что его ведут в нужном направлении.

— Мы ждем тебя, — сказал он, мягким, как шелест листвы, голосом. — Мы всегда ждем того, кто новый. Нам нужен новый. Приходит новый, мы с ним живем. Ты, Прохор, не первый. И мы рады тебе, рады, что ты с нами.

Прохор посмотрел на бабку Агафью и увидел, что она улыбается. А улыбка и глаза у нее такие же, как у соседа.

— Прощай, милый, — сказала полным нежности голосом Агафья. — Мы тебе рады. А на Велесову ночь мы тебя позовем, и ты позовешь нового.

— Кого позову? — спросил Прохор, чувствуя, как его охватывает странное спокойствие.

— Того, кто придет. Всегда кто-нибудь приходит.

И тут Прохор наконец понял, отчего деревня не пустеет, отчего избы стоят невредимыми, а из труб поднимается дым, хотя за всю дорогу он не заметил ни огня, ни дыма. Стало ясно и то, почему Залесье не угасает, а продолжает спокойно существовать, по-доброму, как будто все здесь правильно. В этой жизни ничего не происходит, и ей не суждено завершиться. Потому что жизнью это назвать нельзя. Это ожидание.

***

Прошла зима, пронеслась весна, ушли стога, отшумели дожди. Залесье жило своей размеренной, правильной, неизменной жизнью. В доме Агафьи по-прежнему витал терпкий аромат мяты. По вечерам, как и всегда, в избе мерцала лучина, отбрасывая причудливые тени. Люди сидели, переговаривались, смеялись, и казалось, что в их мире все было ладно, все было на своих местах, и ничто не могло нарушить эту гармонию.

Но вот наступил конец октября.

Прохор не вел счет дням, но знал: скоро. Он ощущал, как последние дни воздух наполняется чем-то новым, неуловимым. Не холод, не ветер, а нечто иное, от чего по затылку пробегал ледяной озноб. Утром, ступив на порог, он увидел картину, знакомую до боли: лес, сгущающийся по краям, серая низина, черная гладь пруда и над ней — клубящийся туман.

Туман шел.

Он медленно полз от пруда, неотвратимо растекался по полю, заполняя собой деревню. Вместе с туманом пришла тишина. Вместе с тишиной — напряженное ожидание. И в этом ожидании Прохор чувствовал то, чего не чувствовал год назад, будучи живым, не ведающим. Он ощущал, как к деревне, из-за леса, из-за болот, из-под земли приближается нечто.

К вечеру Агафья плотно затворила окна. Прохор, следуя ее примеру, задвинул ставни. Они сели у стены, как и в тот раз. Агафья разложила на столе хлеб и соль.

— Нить, — произнесла она ровным, обыденным голосом.

Прохор взял клубок. Красной нити в нем было немного, но он отмотал кусок и туго повязал себе на запястье.

— Теперь ты, — продолжила Агафья, глядя ему прямо в глаза. — Теперь ты зовешь.

— Кого?

— Кого приведет. — Она сделала паузу. — Ты теперь наш голос. Ты наше окно. Мы смотрим на тебя, милый. Ты теперь — дверь.

И в полночь Прохор встал. Взяв лучину, он вышел за порог и неспешно пошел по деревне. Шаг за шагом, по-хозяйски, обходя свои владения. Он шел и пел. Низко, протяжно, без слов,

тем самым хором, который он слышал год назад. Пел и чувствовал, как его голос проникает в избы, как он обволакивает, как ложится на сонные головы.

Дойдя до последних ворот, тех самых, откуда год назад вышла покачивающаяся старуха, он остановился.

И в этот миг он услышал.

Из-за ворот, из-за леса, со стороны большой дороги шел человек. Пеший, усталый, с котомкой за плечами, молодой парень напевал себе под нос какую-то незатейливую, веселую песенку. Прохор смотрел на него, и его мертвое, холодное сердце вдруг сжалось: парень не знал. Он шел прямо, весело, ни о чем не думая. И он не ведал, что идет в Залесье. И не знал, что Залесье уже ждет его. И что у этого тихого, доброго, правильного места длинные руки.

Прохор сделал то, что должен был сделать.

Он выступил навстречу, глядя парню прямо в лицо, ласково, приветливо, гостеприимно произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.